

КРЫМ

*пришел,
увидел,
рассказал*

Печатается в авторской редакции

Рецензент: О.Н.Шульженко, старший научный сотрудник историко-археологического отдела Центрального музея Тавриды

Анфимова В.А., Василенко Л.Ю., Матвеева М.С.
Крым. Пришел, увидел, рассказал. – Симферополь:
Н.Оріанда, 2014. – с. ил.

Анфимова Виктория Аркадьевна

Родилась в 1977 г. Поэт, журналист, автор краеведческих очерков. Родилась в Феодосии. Окончила исторический факультет Таврического Национального университета им. В.И.Вернадского. Живет в Симферополе. Автор свыше 150 публикаций в изданиях Крыма, Украины и России, в том числе в журналах «Черное море», «Алые паруса», «Литературный детский мир», (Симферополь), «Склянка часу» (Канев), «ЗазерКальмиус» (Москва-Донецк), «Литературная учеба» (Москва), в сборниках «Антологія сучасної новелістики та лірики України» (2006, 2008), «PRIMAVERA Весна» (Канев), альманахах «Ан-Тр-Акт» (Херсон), «Крымские литературные встречи», «Я люблю этот город», «45 меридиан» (Симферополь) и др.. С 1998 по 2003 г. – руководитель Симферопольского молодежного литературного объединения «Мы». Участник многих поэтических фестивалей, в том числе «Крымская Альгамбра» (Симферополь, 2003–2005), «Летающая Крыша» (Черкассы, 2005), «Поэтический трамвайчик» (Евпатория, 2008), Международного Гумилевского поэтического фестиваля «Коктебельская весна» (2010) и др.

Широко представлена в сети Интернет, в том числе публикациями в Интернет-журнале молодых писателей России «Пролог». Участник Сопещання молодых литераторов Украины (Ялта, 2003) и 9-го Форума молодых писателей России в Липках (Москва, 2009). Дипломант Всеукраинского поэтического фестиваля «Пушкинское кольцо-2008». Ответственный секретарь газеты «Литературный Крым», член Конгресса литераторов Украины, член Национального союза журналистов Украины, член Союза русских писателей Восточного Крыма. Руководитель Республиканской литературной студии им. Н.Кобзева. Автор книг «Чаша дня» (Симферополь, «Крымский писатель», 2007), «Лабиринт» (2009).

- © Анфимова В.А., Василенко Л.Ю., Матвеева М.С., текст, составление, 2012
- © Анфимова В.А., Матвеева М.С., Козловский С.Н., Коловертнов С.В., Гребенюк П.Н., фотографии, 2012
- © «Н.Оріанда», макет, оформление, 2012

Содержание

Истоки. <i>Стихи Л. Василенко</i>	5
Прогулки по старому Симферополю	19
Тайны, которые хранит Ак-Кая.....	29
Город у моря.....	35
Древнее Парижа и Афин.....	45
Зарисовки с ялтинской набережной	49
Жду рождения Вселенной. <i>Стихи В. Анфимовой</i>	51
Путешествие в страну пещерных городов.....	57
Прикоснуться сердцем к истории.....	61
Замок Фуна	65
Именем Малой Академии.....	71
Красота, спрятанная в подземелье... ..	77
Водопад в ущелье реки Су-Учхан	81
Крымскость. <i>Стихи М. Матвеевой</i>	85
Названия минералов, встречающиеся в книге	103
Геологические термины, встречающиеся в книге.....	105
Словарь географических названий.....	106
Имена, встречающиеся в книге.....	113
Список литературы:.....	115

Любовь Василенко

Истоки

Истоки

Что-то в горле першит,
Ностальгии дремучий репей
 занозил мое сердце –
 с тех пор
 всё саднит временами.
Пригвождённая тысячью шил
 суховея степей
 к не приметной земле ниже гор,
 обделенной морями,

я глотаю жар крыльев
 знойной бабочки южных ветров
 и простых васильков
 непорочность чарующей сини.
От напитанных пылью
 иль пыльцой
 трещин солончаков
на шершавых губах –
 мудрый привкус горючей полыни...

Как слезинки,
 росу
с поредевших ресниц ковыли
 сиротливо смахнут,
 до седин опалённые волей.
Спелой тяжестью рук
 золотых
колосится вдали,
 ощетинясь незло,
 шлёт привет луноликое поле...

Мне б по-женски всплакнуть
 на его необъятной груди,
 чуть понежиться в ритмах
 умиротворённой печали
И по-детски поверить,
 что счастье – ещё впереди
 и что лучшие годы мои –
 ещё в самом начале!

На фото: вид на Чатырдаг

Новый Свет

Новый Свет

Рискуя в пропасть кубарем скатиться,
вспылит автобус, укачав печаль.
Пространства необъятные страницы
перелистнёт размашистая даль.

Переполаясь отраженным блеском
калёного зрачка — взаклёт штормит,
швыряя волны с яростным гротеском
вниз головой о сумрачный гранит...

Все тропы — к можжевеловым реликтам;
и путь Голицына, как трудный вдох...
В жгуты доисторическим артритом
свиты древа познания эпох:

проделки каббалистики и веды —
в узлах чудаковатых рук и ног...
Еще какие были и легенды
таят хитросплетения дорог?

Признание

В старом городе
странной горечью
дышат призраки давних дней.
Известковым налетом Прошлого
запорошен
Пантикапей...

Со времен архаичной древности
героически уцелев,
по привычке устало щерится
чудо-юдо — крылатый лев...

Не ковыль-трава ль напорочила
мне сложить свои щит и меч
у подножия гордой повести
с искрометным названьем —
Керчь?

Но влюбляюсь, влюбляюсь отчаянно,
как девчонка, сильней и сильней
в крики чаек призывно-печальные
над развилкою двух морей!

Город-остров...
Бессмысленно жалуясь
на засовы крепче брони,
осуждаю —
и вновь осаждаю я
этот край на краю земли...

Апрель

Чем пятнать апрельскую пастель,
 четвертуя ёлочным распятым
 компаса —
 земную канитель,
 ты должна хотя б
 раз пять бы
 низойти к распутью мерзлоты
 аристократическим уклоном
 солнца, —
 а не разорять до черноты
 по своим языческим законам!..
 Прививая варварскую речь
 течью кислородоводорода,
 ты могла хотя б предостеречь
 о весне,
 благая непогода?..
 Ведь когда ты всё и вся растлишь,
 животом планеты, будто прессом,
 размозжив, —
 не пикнет даже мышь! —
 под блудливо шарящим обрезом
 времени...
 Оставь хотя б на час
 прежних нас да нашу лень емелью,
 память! —
 в фотопрофиль и анфас
 с меткою:
 «расстреляны капелью»...

Торный Крым

Есть край, где бесполезно вдохновенье
 и беден человеческий язык:
 царит во всеоружье откровенья
 самой природы первозданный лик.

Там, на правах законных постояльца,
 на шишколобье сизощёких скал,
 чьи черепа надраены до глянца,
 ощерит саблезубый свой оскал

Вселенная, истерзанная в клочья
 скребущей бритвой исполинских битв.
 Веков кровоточивых многоточья
 проступят сквозь шершавый монолит...

Из-под пучков растительности жухлой,
 всей судорогой жил ушедшей в ад, —
 нет-нет, да стрельнет ящеркою юркой
 земных бойниц испытующий взгляд...

Как пчёлы в липкоджемовые сласти,
 впились в высокогорный небосклон
 слоёным лесом дышащей напасти
 многоэтажные короны крон,

чья зелень, что похмелье после пьянки, —
 сплошь в бурых пятнах истоковой вины —
 за Осень, полинялую с изнанки
 и слишком яркую — со стороны.

Весна в Симеизе

За эту грусть, цена которой –
луч
тепла в груди;
за чёрное отчасти
пространство волн в бурлящем ассорти
на полотне
сине-зеленой масти;

за этот блеск стихийной нищеты
скупого солнца,
щедрые порывы
сквозных ветров, с нагорной высоты
бомбящих мир с трагическим надрывом;

за эту жажду чуда и любви
от сверхнепредсказуемой погоды;
за Диву див,
что, как ни назови,
ещё не раз откликнется сквозь годы

окаменелой заживо тоской,
остолбенелой намертво лавиной
бесстрашия
над бездною морской;
за привкус соли с йодистой тиной

в смолистых дебрях остросвежих дней;
за вечный переплач штормов и бризов;
за вздыбленные к небу от корней
упругие антенны кипарисов;

как за отвод от всех на свете зол,
за тусклых пальм мохнатые лодыжки
цепляясь,
прорастает в произвол
субтропиков отнюдь не понаслышке,

змеясь побегом вкрадчивым,
Весна!..

И соками исходит подземелье,
терзая корни, вялые от сна,
живой воды испытаннейшим зельем...

Гигантской Кошки выгнутый хребет
лаская без опаски против шерсти,
она спешит растормошить весь свет,
вплоть до последних дворишков в предместье,

чтоб царапнётся в медленный апрель,
вкрапляя самоцветы между строчек,
надрезом вязкоклейким
карамель
в салатových кулёчках горьких почек!..

Балаклавская ночь

Хамелеон залива –
шпагоглотатель солнц –
смолянеет лениво
млечнейшим из обжорств...

Недообедав небом, –
пропадом,
как метро, –
звёздного хвостоеда

ящерное нутро
где-то протяжно дышит,
огненно чешуясь...

И, чем бездонней,
тем выше
светопаденья час...

И, чем страшней,
тем краше
древности оселки:
крылья отвесных башен
выветренно легки...

Осенний стриптиз

Криво ли, косо ль
 метут дожди,
 в эфире – Осень...
 Не от нужды
 ржавеет, дамы
 и господа!..
 Не для рекламы,
 не без стыда –
 забавать, что ли,
 ветрам «на бис»
 щемящей боли
 порностриптиз
 навзрыд по-русски?..
 За слоем слой
 (кому – искусство,
 кому – убой) –
 надежд одежи –
 за срывом – срыв! –
 с присохшей кожей
 бесперспектив...
 «Аборигены»,
 ловите ритм:
 как вождельно
 земля искрит
 в озолоченье
 горчей клейма
 листопадением
 задарма...
 Отлихорадит,
 войдя во вкус,
 покоя ради
 осенний блюз
 душеворота...
 А что взамен
 обрыдлой рвоты
 лжеперемени?..
 Ценой разлада –
 за вестью весть –
 голая правда,
 какая есть.

Зимнекрымское танго

Холодной верою
 пред Непорочною
 вздохну, беспечная,
 в молитве женской...
 Как все непрочно,
 и как беспочвенны
 мгновенья вечности
 в возне житейской!
 Как с обнажённою душой –
 искусственно! –
 в тепле убийственном
 игры звериной,
 когда корёжишься
 в немом предчувствии
 Рассвета Нежности
 непостижимой!
 Когда каскадами
 за баррикадами
 непонимания –
 лишь сор да тина...
 И жгуче дышится!
 И чернокнижница-
 луна колышется
 в беззвездной стыни...
 А море замерло
 студёным варевом,
 и сплошь – проталины
 чернеют склизко...
 И, бесфонарные,
 сквозят окраины
 такой неправильной
 зимою крымской...
 И шоколадинкой
 горчит отчаянно
 кофейня-чайная
 в проулке узком...
 Когда нечаянно
 внезапно ранена
 скупым прощанием
 с Последним Русским.

Феодосийская набережная

В солнечной патоке
зелья лазурного
с проседью шелковой ряби
эпически
плавно баюкают глубь чёрно-бурую
лебеди —
в бликах воды металлических...
Лебеди!
Лебеди с морем целуются,
нехотя тычась
в размокшее крошево
булок, печенья
и прочего, прочего...
Ворон
напыжился
встрёпанной курицей
кляксообразно
у лужи на набережной...
Что ему слышится?
Что ему чудится?..
Вдруг —
да как вскаркнет
зловеще и яростно!..
Чайка
упала
нахлебницей меткою,
следом — другая...
А небо-то, небо-то!
Месиво
воплей и крыльев,
чье облако
рвется на части
от счастья и голода!..
Только деревья
напрасно поладили
с этим повальным
февральским раскаяньем...
Много ли надо им ласки?
Стоп-кадрами
слепо
установились вдаль
фотокамеры...

Осенняя ночь

Незванный гость —
луны калёный гвоздь
царапает сквозной карман окна;
серебряной слюдой туманит дождь
орлы и решки звездного сукна...

Грядущий день,
слепой надежды тень
подай нагим ветвям и нищей духом
земле —
ей, видимо, уж лень
скрывать свой стыд
под лиственным кожухом...

И там и тут
хорошего не ждут
от туч, летящих с северо-востока,
несущих жуть;
и ветра хлесткий жгут,
глумясь, взимает плату
раньше срока.

А воздух впрямь —
пронзителен и рьян
и леденцом ментоловым до хрипа
выстуживает небо
и гортань,
и заоконье в струпьях мокрой сыпи.

И только мгла,
корёжась от тепла,
полощется угодливым холуём
вокруг жилья,
где за ребром стекла
пылает свет воздушным поцелуем.